

Доклад на XI Международной научной конференции «Лев Толстой и мировая литература». Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна». 11–15 августа 2018 г.

Т.Н. КРАСАВЧЕНКО

СОВЕТСКИЙ ДИПЛОМАТ И.М. МАЙСКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ Э.М. ФОРСТЕР О «ВОЙНЕ И МИРЕ»: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗВУЧИЕ И ДИССОНАНС

В страшный период европейской истории – в разгар борьбы союзников с гитлеровской коалицией в 1943 г. на главном – общенациональном радио Великобритании – БиБиСи была представлена инсценировка романа Толстого «Война и мир».

Почему Толстой? Ведь британцы известны своим патриотизмом и них своя великолепная многовековая литература. Но в ней не было эпического романа о нашествии иноземцев, подобного и равноценного «Войне и миру» по силе морального и эстетического воздействия, потому что у них другая история. Если на их территории и бывали войны, то в основном гражданские, не считая римского завоевания Британии в 43–407 гг. и нормандского – Вильгельмом Завоевателем в XI в., но это было очень давно и относилось к периоду формирования нации.

Уместность обращения к Толстому объяснялась и тем, что в 1943 г. Россия была, пожалуй, основным союзником Великобритании, принявшим на себя главный удар Гитлера. Кроме того, Толстой был уже хорошо знаком, по крайней мере, образованной британской аудитории. В свое время английский стал первым европейским языком, на который его перевели, хотя и неудачно. В 1862 г. в Лондоне в далеком от оригинала и совершенства переводе Мальвиды фон Мензенбург, воспитательницы детей Герцена, вышли «Детство», «Отрочество» и «Юность». На протяжении 1870–1880-х годов рассказы и романы Толстого читали в Англии в основном в переводах либо с французского, либо в американских (далеких от совершенства) переводах Натана Х. Доула, Изабелл Хэпгуд и др., но даже тогда в этих переводах Толстой произвел впечатление на викторианского читателя. Со временем авторитет Толстого в Британии все более укреплялся, на рубеже XIX–XX вв. вышло довольно много книг о нем (Дж. Перриса, Дж. К. Кенворти, сборник эссе Г.К. Честертон, Э. Мода, Э. Гарнетта, и др.). В 1890 г. его сравнивали с Шекспиром¹. Но, пожалуй, окончательно авторитет Толстого в Британии закрепился в 1900-е–1910-е годы. Как писала газета «Таймс» в 1910 г., то есть в год смерти Толстого, он стал самым известным в Британии русским писателем и «одним из самых известных людей в Европе»². Это было следствием, прежде всего, появления качественных литературных переводов – прежде всего «Воскресения» (1900) в переводе

Луизы Мод, «Анны Карениной» (1901) и «Войны и мир» (1904) в переводах Констанс Гарнетт, затем в серии «Мировая классика» оба романа – в переводах Эйлмера и Луизы Мод (1918; 1922–1923), а в 1928–1937 г. в издательстве Оксфордского университета вышло юбилейное 21-томное собрание сочинений Толстого, подготовленное Э. Модом к столетию со дня рождения писателя³.

Эти переводы, особенно К. Гарнетт, произвели глубокое впечатление на образованных британцев, в том числе литераторов. Для Вирджинии Вулф Толстой – «величайший из всех романистов», а «как иначе, – спрашивает она, можно назвать автора «Войны и мира»?⁴. И именно Толстой, как позднее писал английский литературовед Генри Гиффорд, более других воплотил в своем творчестве представление о русском писателе⁵.

В 1943 г. в восьмичасовой радиопостановке «Войны и мира» на БиБиСи (вещание на Британию) участвовали популярные английские актеры – Фредерик Ллойд, до того сыгравший доктора Ватсона в фильме «Собака Баскервиллей» (1932), Питер Миллер-Стрит, уже получивший известность благодаря участию в приключенческой кинодраме «Сан-Деметрио, Лондон» (1943) и Селия Элизабет Джонсон, снявшаяся в первом фильме «В котором мы служим» (1942) молодого, позднее ставшего знаменитым британского режиссера Дэвида Лина и впоследствии в 1981 г. награжденная британской королевой титулом «Дамы» (DBE). Радиопостановка по сценарию Уолтера Пикока состояла из восьми частей и выходила в эфир по два эпизода каждое воскресенье – с 17 января по 7 февраля 1943 г., то есть в последние дни Сталинградской битвы, длившейся с 23 авг. 1942 г. до 2 февраля 1943 г. и, как известно, ознаменовавшей перелом в ходе Второй мировой войны. Таким образом, эпический роман Толстого о мощи русского народа прозвучал для британцев в унисон с этой победой как свидетельство ее закономерности и как гарант окончательной общей победы.

Инсценировку романа предварили выступления чрезвычайного и полномочного советского посла в Великобритании Ивана Михайловича Майского, датированное 30 декабря 1942 г., и известного английского писателя Эдварда Моргана Форстера (1879–1970) (в 1920-е годы близкого модернистской группе «Блумсбери»)⁶.

И. М. Майский (1884–1975), человек образованный, по своему типу близкий русской интеллигенции, в свое время студент историко-филологического факультета Петербургского университета, а в 1912 г. закончивший экономический факультет Мюнхенского университета, с 1903 г. был членом РСДРП (Российской социал-демократической рабочей партии) во фракции меньшевиков, с 1921 г. активным членом Российской Коммунистической партии большевиков (РКПб), с 1922 г. стал дипломатом и

каким-то образом пережил «большой террор» 1930-х годов целым и невредимым. Будучи советским послом в Великобритании с 1932 по 1943 г. он пользовался авторитетом в британских левых кругах, в годы войны нашел общий язык с Черчиллем, который относился к нему с уважением.

В кратком предисловии к радиоинсценировке он, как и полагается советскому дипломату, поначалу излагает официальную советскую точку зрения на Толстого как личность двойственную, используя характерную советскую терминологию; он видит в нем великого писателя и невеликого философа, который никогда не был «духовным лидером подлинно прогрессивной России своего времени»⁷ и еще менее приемлем он в качестве такового для современной России. Суть его философии Майский трафаретно сводит к непротивлению злу насилием, тогда как «подлинно прогрессивные элементы в России» (он имеет в виду русскую интеллигенцию) на протяжении XIX в. и позднее вели борьбу против «зла в экономике, социальной и политической жизни страны»⁸ и именно эта традиция, на его взгляд, существенно определила мощное сопротивление советского народа гитлеризму. Толстой-философ не оказал значительного влияния на умы «моего народа», замечает Майский, зато Толстой – писатель, «портретист своего времени» (тут явна переключка с статьей Ленина «Толстой как зеркало русской революции», 1908), был и остается гордостью и славой «моего народа», «символом духовной силы народа»⁹, его влияние как художника огромно и сформировало сознание многих поколений. Майский отмечает поразительный феномен признания Толстого в Советском Союзе, где произведения Толстого выходят миллионными тиражами, и делает вывод, что Толстой «не просто гений, он супергений»; как романист он столь же велик как Шекспир–драматург. Он – «Эверест среди романистов», а его «Война и мир» – «вероятно, величайший роман всех времен. И роман ли это?» Тут Майский дает роману Толстого высшее в глазах британцев определение: «Скорее это сама жизнь. В этом великом романе нет начала и нет конца, как их нет в реальной жизни. На страницах этой замечательной книги много персонажей, но только один настоящий герой – русский народ, показанный в высший час высшего накала истории...»¹⁰. Толстой, по словам Майского, «хочет быть верным только реальной правде жизни и он верен ей. <...> Твердой рукой он раскрывает на страницах своей книги подлинную правду жизни, какой бы горькой она ни была для него и его читателей. Это и есть знак супергения...»¹¹. В эссе Майского советская традиция толкования Толстого сливается с русско-интеллигентской традицией, таким образом, выявляется преимущество советской демагогической идеологии по отношению к идеологии русской интеллигенции и мотивируется попытка советской власти «присвоить» Толстого, сделать его «своим» как писателя русского народа,

крестьянства, которое фактически было ею уничтожено. Как осторожный дипломат Майский, не вдаваясь в подробности, отмечает свои расхождения во взглядах на Толстого с Э.М. Форстером.

Поначалу Э.М. Форстер переключается с Майским: он тоже называет «Войну и мир» величайшим из романов. А далее – по-английски, не растекаясь по древу, описывает его как систему, понятную английскому читателю: «Он в десять раз больше обычного романа; в нем четыре героя и две героини; его действие происходит в основном в России и частично в Австрии, он начинается в 1805 г. и заканчивается в 1820. Он велик не из-за своего объема, а потому что живой. <...> И несмотря на свое величие это легкий роман, в нем нет тайн, искусственности, и все, что от вас нужно – просто прочесть его – или прослушать...»¹².

Самым обаятельным из героев «Войны и мира» Форстер считает не Пьера Безухова или Андрея Болконского, что свойственно самому Толстому и обычно для русского читателя, а Николая Ростова¹³, видимо, из-за его здравого смысла, который превыше всего ценится в Британии. Толстой же прямо пишет в романе, что у Николая «был тот здравый смысл посредственности, который показывал ему, что было должно» (т. 2, ч. 4, гл 1)¹⁴. Николаю свойственно отсутствие склонности к метафизике, близкое среднему англичанину. Как замечает сам Толстой: «В мужчинах Ростов терпеть не мог видеть выражение высшей, духовной жизни (оттого он не любил князя Андрея), он презрительно называл это философией, мечтательностью (т. 4, ч. 1, гл. VII)¹⁵. «...Николай Ростов без всякой цели самопожертвования, а случайно, так как война застала его на службе, принимал близкое и продолжительное участие в защите отечества и потому без отчаяния и мрачных умозаключений смотрел на то, что совершалось тогда в России (т. 4, ч. 1, гл. IV)¹⁶.

Для Форстера, как и для многих других британских литераторов, лейтмотив творчества Толстого – «Жизнь», что впервые сформулировал знаменитый английский литературный критик и философ культуры, классик либерального гуманизма Мэтью Арнольд в эссе «Граф Лев Толстой (1887)». «Жизнь – главное для Толстого, заметила Вирджиния Вулф, как душа для Достоевского¹⁷. «В этой поразительной книге, по словам Форстера, есть все, она огромна, как сама жизнь. И так же свободна, как жизнь. Толстой показывает своих героев разными, противоречивыми, как в жизни. Но никогда не наказывает, не осуждает – не дает оценки¹⁸. Форстеру, жителю страны, склонной к морализаторской этике, к регламентированию жизни, близко отсутствие у Толстого морализаторства, его безбарьерности. Вот Николай проиграл в карты целое состояние, думает о самоубийстве, и, приехав домой, слышит, как поет Наташа. «Что ж это такое? –

подумал Николай, услышав ее голос и широко раскрывая глаза. – Что с ней случилось? Как она поет нынче! <...> И вдруг весь мир для него сосредоточился в ожидании следующей ноты <>. Все это, и несчастье, и деньги, и Долохов, и злоба, и честь – всё это вздор... а вот это настоящее... Ну, Наташа, ну, голубчик! ну, матушка!.. Как она этот si возьмет? Взяла! Слава Богу! <...> Какие тут проигрыши, Долоховы, и честное слово!.. Все вздор! Можно зарезать, украсть и все-таки быть счастливым...» (Т. 2, ч. 1, гл. XV)¹⁹.

«Убить, украсть, – повторяет Форстер, – и все же быть счастливым». И комментирует: «Какое имморальное чувство. Мы находим это в “Войне и мире”, ибо там есть все. У Толстого нет барьеров (untethered), он дает свободу своим персонажам и таким образом передает нам в одной книге величие вечности и свежесть весны»²⁰.

В отличие от Майского Форстер не ограничивает философию Толстого «непротивлением злу насилием», а видит в нем философа истории. Он разделяет оспаривавшуюся историками точку зрения Толстого: битва при Бородино, несмотря ни на что, была победой русских. Все его симпатии на стороне русских. Французскую армию после Бородино он называет «раненым зверем» (и постоянно использует эту метафору) – зверем, который все время рвался вперед за своей добычей, но был обречен на смерть (тем самым проецируя эту метафору на современность).

Форстера интересует представленная в романе философия «великого человека», и он привлекает к ней внимание британского читателя. Вольно или невольно он противопоставляет взгляды Толстого широко известному в Британии шотландскому публицисту, историку и философу – Томасу Карлейлю (1795 –1881), автору работы «Герои и героическое в истории», 1841, кстати, переведенной на русской в 1891 г.²¹ Карлейль исповедовал романтический культ героев – исключительных личностей, вроде Наполеона, которые своими делами, якобы, исполняют высшие предназначения и ведут человечество вперед, возвышаясь над толпой ординарных людей, масс. Форстер отмечает, что Толстой много пишет о Наполеоне, но ни разу как о великом человеке, ибо он не верит в великих людей. Согласно Толстому, когда диктатор, подобный Наполеону, приходит к власти, это происходит потому, что созрели обстоятельства, а не потому, что диктатор великий человек. Диктатор думает, что он ведет, лидирует, на самом деле его подталкивают в гору и затем помогают преодолеть пропасть силы, которых он не в состоянии понять. Тщеславный и снисходительный в период победы, эгоистичный при поражении, «Наполеон, представляющийся нам руководителем всего этого движения (как диким фигура, вырезанная на носу корабля, представлялась силою, руководящую корабль), Наполеон во все это время своей деятельности был подобен ребенку, который, держась за тесемочки, привязанные внутри кареты, воображает, что он правит»²².

Заметим, что Майский обходит тему «великого человека» в романе, возможно, не желая трогать на все лады обыгрываемую советской пропагандой идею «отца народов» – «великого Сталина», который отнюдь не был «великим полководцем» и «спасителем России», что доказано современными исследованиями историков²³. Недаром в 1966 г. и сам Майский подписал письмо 25 деятелей культуры и науки генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу против реабилитации Сталина.

Форстер обращает внимание британцев на то, что Толстой противопоставляет Наполеону фигуру русского главнокомандующего Кутузова, который «понимает, что есть что-то сильнее и значительнее его воли, – это неизбежный ход событий, и он умеет видеть их, умеет понимать их значение, и в виду этого значения умеет отречься от участия в этих событиях, от своей личной воли, направленной на другое» (Т.3, ч. 2., гл. XVI)²⁴. И поэтому он побеждает Наполеона. Но он не «великий человек», он не похож на это «беспокойное мелкое существо», каким представляется Толстому «великий человек», он просто умудренный опытом старик, который сознает свою собственную неважность, незначительность, но может использовать преимущество Потока Жизни.

Что такое «Поток жизни» ('Stream of Life')? Тут Форстер выходит прямо к современности: «Толстой, пишет он, – описывает международный обвал (upheaval), подобный сегодняшнему. Каково его мнение? Считает ли он, что кого-то можно винить в нем? Нет, винить некого, даже Наполеона. Может ли какое-то конкретное событие вызвать войну? Нет. Для Толстого поток несет людей и события; этот поток захватывает то мир, то войну, и ни человек, ни группа людей не могут изменить его ход. Мы тратим время впустую, если пытаемся управлять потоком или даже понять его, ибо понимание всего доступно только Богу»²⁵. Точка зрения Толстого, близка Форстеру и, скорее всего, была чужда атеисту Майскому. Форстер видит нечто очень современное в этой позиции. Прежде он искал веру в индуизме, в мусульманстве, о чем свидетельствовал его знаменитый роман «Поездка в Индию» (1924). Но, возможно, именно у Толстого нашел то, что ему нужно – стоический фатализм – и именно поэтому роман «Война и мир» кажется ему таким современным: «Можно не употреблять слово «Бог»; можно объяснять войны экономическими причинами, психологическими причинами, но согласимся с Толстым, что ни человек или конкретное событие начинает их, и ни один человек не может остановить их. И он словно хочет сказать нам: “Не волнуйтесь! И даже не пытайтесь понять. Вы только запутаетесь и утратите цель. Исполняйте свой долг <...> и не пытайтесь вмешиваться в будущее”»²⁶. В сущности, Форстер, несмотря на близкую ему как англичанину категорию «здорового смысла», идет вслед за Толстым и пересказывает его взгляд на историю. Форстеру близко то, что у Толстого «война и мир, народ и

человек, общественное и частное» включены в «единое мировосприятие. Он упоминает песню Наташи как “нечто отдельное от всего в мире и выше всего в мире”. Это то же самое, что, говоря о Кутузове, он назвал ходом событий. Битва при Бородино и песня девушки – все это несет «таинственный Поток Жизни. И оба они плод Воли Бога»²⁷.

Таковы две точки зрения на роман Толстого, преподнесенные британцам в редкий, но столь важный для судеб мира период политического альянса двух столь разных народов. И, несмотря на одновременно и перекличку мнений Майского и Форстера о романе и их явный культурологический диссонанс, каждый из них по-своему прав, не исчерпывая полноты смыслов романа.

А сам, казалось бы, неброский, небольшой эпизод на БиБиСи в конце января – начале февраля 1943 г. оказался важным событием в истории межкультурной российско-британской коммуникации: роман «Война и мир», представленный на общенациональном британском радио, вышел за пределы элитарной аудитории и вошел в каждый, или почти каждый, дом британца. Толстой как «синоним» России и в то же время символ всемирности занял прочное и особое место в общенародном британском инонациональном Пантеоне.

- ¹ Ellis H. *The New Spirit*. L., 1890.
- ² *The Times*. L., 1910. 16 Nov. P.11.
- ³ Holman M.J. de K. *Half a life's work: Aylmer Maude brings Tolstoy to Britain* // *Scottish Slavonic review*. – Edinburgh, 1985. – N 4. – P. 41.
- ⁴ Woolf V. *The Russian Point of View* // Woolf V. *The Common Reader*. L.: Hogarth Press, 1925. P. 205.
- ⁵ Gifford H. *Tolstoy*. Oxford, Toronto, Melbourne: Oxford univ.press, 1983. P.79.
- ⁶ БиБиСи тогда же издало небольшую книжку: *Tolstoy's War and Peace*. The British Broadcasting Corporation, 1943. 24 p., включившую в себя предисловия И. Майского, Э.М. Форстера и синопсис романа.
- ⁷ His Excellency the Soviet Ambassador, Ivan Maisky / *Introduction to a 1943 BBC Broadcast of War and Peace*// *Tolstoi and Britain* / Ed. Jones, Gareth W. Oxford, Washington, D.C.: Berg, 1995. P.251.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ Ibid., p. 252.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² Forster E.M. *Essay on War and Peace to Accompany its Broadcast Verrision in 1943* // *Tolstoi in Britain*. P.253.
- ¹³ Ibid, p. 255.
- ¹⁴ Толстой Л. *Война и мир* // Толстой Л.Н. *Собр. соч.*: В 14 т. М.: Худлит., 1951. Т.5. С. 242. Здесь и далее цитаты из «Войны и мир» приводятся по этому изданию.
- ¹⁵ Там же. Т.7. С.30.
- ¹⁶ Там же. Т.7. С.17.
- ¹⁷ Вулф В. *Русская точка зрения*. Пер. с англ. К. Атаровой// Атарова К. *Англия, моя Англия*. М.: Радуга, 2006. С.244.
- ¹⁸ Forster E.M. *Essay on War and Peace...* P. 256.
- ¹⁹ Толстой Л. *Война и мир*. Т.5. С. 61 – 62.
- ²⁰ Forster E.M. *Essay on War and Peace...* P. 256.
- ²¹ О Толстом и Карлейле см. в частности: Красносельская Ю.И. Толстой и Карлейль: о почитании героев в повести «Альберт» // *Лев Толстой и время* / Ред. Э.М. Жиликова, И.Ф. Гнюсова. Томск: изд-во Томского ун-та, 2010. С.171 –182.
- ²² Толстой Л. *Война и мир*. Т.7. С. 95.
- ²³ См. об этом, в частности: Красавченко Т.Н. *От мифа к реальности: британская сталиниана от Шоу и Уэллса до Саймона Себага Монтефиоре* // *Известия Уральского федерального университета*. Серия 2. Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2017. Т.19. №4 (169). С.147–160.
- ²⁴ Толстой Л. *Война и мир*. Т.6. С.179.
- ²⁵ Forster E.M. *Essay on War and Peace...* P. 254 – 255.
- ²⁶ Ibid., p.255.
- ²⁷ Ibid, p.256.